Шкловский: режимы публичности

Валерий Отяковский

От составителя

DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_17

Valerii Otiakovskii
From the Editor

Валерий Отяковский
Журнал «Новое литературное обозрение», редактор; PhD
valeriiotiakovskii@gmail.com.

Valerii Otiakovskii
New Literary Observer, Editor; PhD
valeriiotiakovskii@gmail.com.

Едва ли можно назвать хоть одну фигуру русскоязычной теории, о которой в последние годы говорилось бы так же часто, как о Викторе Борисовиче Шкловском (1893–1984). Разработка наследия формалистов, длящаяся на протяжении уже нескольких десятилетий, не стихает, а только набирает обороты и, возможно, выходит на свой пик[1]. К изучению формального метода и его окрестностей подключаются новые поколения исследователей — тех, для кого труды

1 Из ярких примеров последнего времени стоит назвать специальные тематические выпуски журналов «Slavic Literatures» (2026. Vol. 160) и «Poetics Today» (2025. Vol. 46. № 3–4), посвященные формализму, а также полемику с этими журналами, предложенную на страницах «Ab Imperio» (2026. № 1). Шкловскому посвящена недавняя книга: *Bulatova A.* Viktor Shklovsky's Involuntary Modernism: Writing and Other Bodily Functions. London: Bloomsbury, 2026; заглавное эссе этой работы публиковалось в «Новом литературном обозрении» (2015. № 3 (133)). См. также обширные главы о Шкловском в новых книгах: *Skakov N.* Reorientalism: From Avant-Garde to Soviet National Form. New York: Columbia University Press, 2025. P. 43–83; *Budrin P.* Laurence Sterne and his Readers in Early Soviet Russia: The Secret Order of Shandeans. Oxford: Oxford University Press, 2026. P. 113–161 (ср. публикации автора в «Новом литературном обозрении» (2026. № 1 (197)) и в настоящем блоке); *Oushakine S.* Dynamising Things: Essays on Objects, Relations, and People. Leiden: Brill, 2026. P. 106–133. В 2024 году в Италии был запущен специальный журнал «Journal of Studies in Russian Formalism» («Временник русского формализма»), на данный момент вышло два номера, в каждом из которых Шкловский играет важную роль.

Шкловского являются не архивом, нуждающимся в реактуализации, а уже размеченной территорией, ценность и продуктивность глубинной разработки которой очевидна. Хочется предположить, что новый этап изучения формализма — условно говоря, связанный с завершением антологии «Формальный метод»[2], которая подвела итоги предыдущей волны интереса к феномену, — определяется повышенным вниманием к социальному аспекту существования раннесоветской теории, ее историзации на новых началах.

Для «Нового литературного обозрения» Шкловский был важным героем буквально с первых номеров журнала. В числе первопроходческих работ о нем, появившихся на наших страницах, можно назвать статьи Александра Галушкина, Сергея Зенкина, Ильи Калинина, Яна Левченко, Джессики Меррилл и многих других; отдельно стоит упомянуть ряд тематических блоков о формализме и масштабный двухчастный кластер «Виктор Шкловский. Фигуры и жанры теоретического воображения», растянувшийся на два номера журнала (№ 128, 133). Принципиальным этапом в освоении наследия теоретика стал выход собрания сочинений Шкловского в «Новом литературном обозрении», начавшийся в 2018 году томами «Революция» и «Биография» (под ред. И. Калинина) и продолжившийся в 2026-м томами «Ремесло» и «Быт» (под ред. В. Отяковского, Д. Цыганова).

Настоящий блок статей родился в процессе работы над последним из упомянутых томов как его продолжение и проблематизация. Вопрос о литературном быте, ставший камнем преткновения в развитии позднего формализма, наводит ракурс разговора на социальную прагматику и положение изучаемого объекта в своем поле; этот же вопрос можно перенести на саму фигуру аналитика. Автор яркой биографии, которая оказалась когерентна письму, Шкловский воспринимал свою жизнь как теоретическую проблему, а теоретические споры как вехи личного пути. Вероятно, именно поэтому в культурном секторе советской публичной сферы он занимает гибридное положение актора, находящегося на кромке сразу нескольких категорий: он связан с узкоэлитарным академическим сообществом, но также и регулярно обращается к читателю со страниц центральных газет; занимается сугубо цеховыми проблемами кинопроизводства, но заставляет широко о себе говорить критиков и пародистов; бесконечно «занимает эфир» разнообразных заседаний и совещаний, хотя и неспособен к сколько-нибудь стабильной институционализации. Шкловский — «официоз», в нужный момент поставляющий идеологическую передовицу, но к нему же обращены надежды и просьбы о протекции молодых авторов андеграунда, которые видят «своего» и «авангардиста» даже сквозь добротный пиджак преуспевающего переделкинского совписа.

Понять в деталях специфику публичной видимости Шкловского возможно лишь при условии значительного расширения корпуса доступных источников, начиная, прежде всего, с его собственных текстов, — в этом отношении объемное собрание сочинений оказывается важным подспорьем, давая доступ к целому ряду не переиздававшихся работ разных лет. Другим основанием настоящего блока стала подготовка переписки Шкловского с его ближайшими друзьями и коллегами по ОПОЯЗу Юрием Тыняновым и Борисом Эйхенбау-

2 Первым трем томам этой антологии на страницах «Нового литературного обозрения» был посвящен специальный разговор в рубрике «Книга как событие» (2019 № 3 (157)). Разговор об этом издании продолжится на страницах нашего журнала.

мом (Новое литературное обозрение, 2026; под ред. В. Отяковского, В. Турчаненко, Д. Цыганова). Становящийся наконец-то доступным, этот источник позволяет проследить поздне- и постформалистскую траекторию Шкловского в максимальном приближении. Вопрос о динамическом положении теоретика в научном и литературном сообществе, таким образом, смыкается с вопросом о построении полноценной интеллектуальной биографии, существующие попытки которой вряд ли можно признать удачными.

Этот набор положений определил композицию и структуру настоящего блока. Представленные здесь работы при всей разнице авторских установок и жанров (эссе, проблемная статья, вступление к публикации) сходятся в стремлении заострить вопрос: как сходятся разные режимы публичности Виктора Шкловского?[3]

Первая часть блока — «Машина полемики» — посвящена тому, как теоретик реализует себя в прямом столкновении со своей аудиторией. Эссе **Ирины Сандомирской** «Шкловский как публичность» проблематизирует феномен речи теоретика, устное существование того, кто известен прежде всего своими печатными работами. Внимательное изучение записей его разговоров, афоризмов, анекдотов и острот позволяет поставить вопрос о границах компромисса Шкловского и формировании «символических технологий» существования автора.

Статья **Валерия Отяковского** и **Дмитрия Цыганова** «Виктор Шкловский и Борис Эйхенбаум в спорах о литературном быте» предлагает пересмотреть принятый в историографии подход к поздней стадии формализма и реконструировать условия появления в печати известной статьи Эйхенбаума «Литературный быт», равно как и ее рефлексы в историко-литературных сочинениях Шкловского на рубеже 1920-х–1930-х с широкой опорой на переписку формалистов. Историзм, пестуемый Эйхенбаумом в момент теоретического слома, оказывается единственной платформой, на которой возможен последний коллективный проект экс-ОПОЯЗа по изобретению культурной традиции советского проекта, и именно Шкловский, почуявший мощный символический потенциал такого хода, был главным энтузиастом несложившейся формалистской истории литературы.

Наконец, статья **Петра Будрина** «“Первое впечатление будет хаос”: “Тристрам Шенди’ Стерна и теория романа” как статья-коллаж» предлагает опыт внимательного чтения брошюры Шкловского об английском писателе. Исследователь помещает эту работу в контекст западного стерноведения и современных Шкловскому отзывов о ней, пытаясь понять механизм, согласно которому работа, воспринятая критиками как неудачная в академическом отношении, оказалась столь продуктивным феноменом теории. Автор показывает, как Шкловский разламывает научную коммуникацию революционного периода, создавая иную, неуниверситетскую модель знания о литературе.

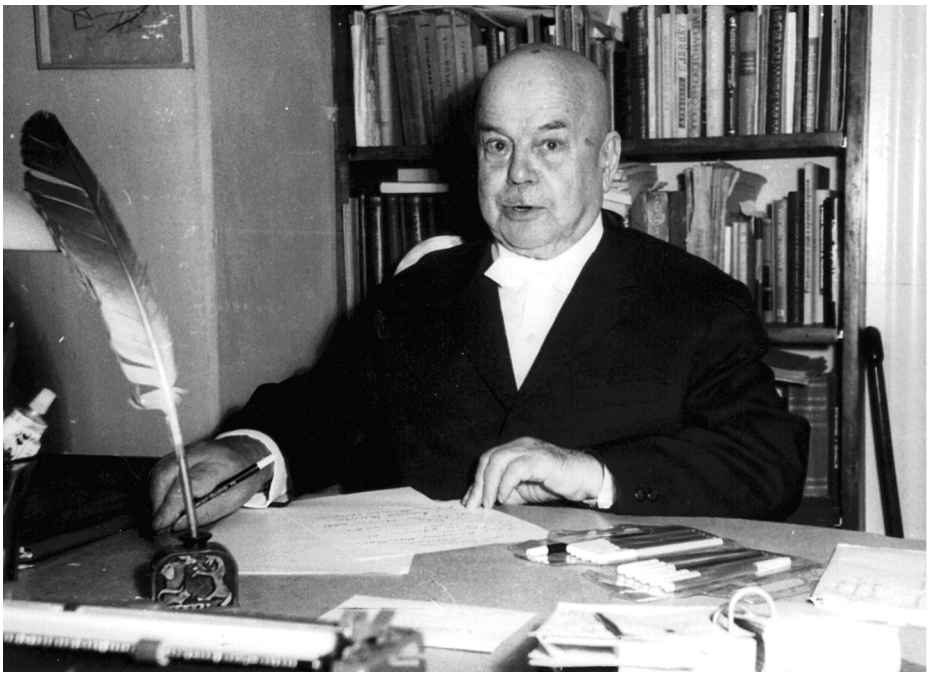
Вторая часть блока, «Окраины публичного», посвящена некоторым специфическим случаям, в которых проявляется мерцающая природа социальности Шкловского. Статья **Софьи Зайцевой** и **Владимира Турчаненко** «Формалист с киноаппаратом: сценарий Виктора Шкловского как провокация

---

3 В постановке вопроса мы опираемся на этапный в этом отношении сборник: Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России / Сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

соцреализма» реконструирует историю нереализованного сценария художественно-документального фильма «По следам Пушкина» (1935–1937). Авторы кропотливо восстановили историю этого текста, сохранившегося в трех версиях, и сложный узел биографических, идеологических и отчасти эстетических проблем, которые не только оставили этот сценарий «на полке», но и вызвали судебное разбирательство. В качестве приложения к статье публикуется важное свидетельство крайне специфической формы сталинской судебной публичности, а именно экспертные заключения по этому сценарию, которые подготовили Сергей Эйзенштейн и Олег Леонидов. Посредством экспертиз коллеги по цеху старались защитить Шкловского от нападок партийных идеологов, пытавшихся запретить фильм через обращение к удобной идеологеме «формализма».

Завершает блок публикация **Михаила Дорогова** «“с Былдажилом он дружил”: Ян Сатуновский и Виктор Шкловский — случай литературной протекции», в которой подробно описан редкий случай соприкосновения и сотрудничества теоретика с литератором из мира андеграунда. Шкловский выступал как покровитель одного из поэтов Лианозовской школы, помогая писателю найти форму существования в советской литературной системе, щедро делясь своим символическим капиталом не только на уровне личных рекомендаций, но и в публичном пространстве, упоминая Сатуновского в своих публикациях, включая предисловие к одной из первых печатных советских книг поэта.



Илл. 1. Виктор Борисович Шкловский на даче в Переделкине. Вторая половина 1970-х (Архив литературной жизни XX века Дома творчества Переделкино)